

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

**ЭМБЛЕМА
С СЕКРЕТОМ
ПОХИТИТЕЛЬ
СЕКРЕТОВ-3**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки *Половцевой Яны*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Эмблема с секретом. Похититель секретов-3 : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-094571-9

При учебных запусках несколько стратегических ракет терпят крушение. Расследованием установлено, что это результат постороннего вмешательства. Контрразведчик Евсеев и разведчик Дмитрий Полянский ведут работу по установлению и ликвидации вредоносного воздействия на ракетно-ядерный щит страны. Евсеев работает в пределах России, Полянский выполняет задание за рубежом. Удастся ли им установить источник вредоносного излучения, а главное — уничтожить его?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094571-9 © Корецкий Д.А., 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

15 июля 2011 г.
Баренцево море

Походный штаб развернули на «Иване Грозном». Все-таки это был самый современный тяжелый ракетный крейсер, несущий на борту три вертолета и имеющий к тому же систему противокачки. И хотя «Антиволна» предназначена для точности выстрелов, когда на борту находятся VIP-пассажиры, она может стать и дополнительной гарантией комфорта. Впрочем, сегодня серая поверхность Баренцева моря была относительно спокойной, а небольшие волны со срываемыми злыми порывами ветра белыми бурунами не могли сколь-либо заметно раскачать двухсотметровый корабль водоизмещением двадцать две тысячи тонн.

Следом за крейсером шли эсминец «Стремительный» и ракетный фрегат «Непобедимый». Они строго соблюдали дистанцию и порядок движения в строю, в немалой степени этому способствовал президентский штандарт, развевающийся под российским флагом на мачте «Ивана Грозного» и создающий особую атмосферу на этих испытаниях.

Глава государства находился на ходовом мостике с небольшой свитой приближенных лиц и, держа в руке мощный бинокль, неотрывно смотрел вперед, туда, где в толще

воды маневрировала АПЛ¹ «Москва». Президент отказался от предусмотрительно приготовленной морской формы и переоделся в кроссовки, джинсы, легкий свитер и спортивную курточку с капюшоном и надписью «Россия» на спине. Так было удобней перенести трехчасовой переход с базы до места запуска.

Но спортивно-демократичный вид Первого Лица не снижал уровня ответственности, не разряжал напряженной атмосферы и не расслаблял ни грузного Министра обороны Севрюгина в гражданском костюме с галстуком, ни сверкающего золотыми погонами и шевронами командующего флотом контр-адмирала Колесникова, ни командира крейсера Веренева в парадном мундире каперанга с болтающимся на левом бедре кортиком, который сотрудники ФСО² пытались отобрать и оставили только по прямому указанию Хозяина.

Чуть в стороне переминаются с ноги на ногу штатские. Коротенький здоровяк с толстыми икрами, которые натягивают узкие брючины так, что их приходится периодически одергивать, — Царьков, директор ВНИИ ВМФ «Точмаш», генеральный подрядчик по проекту «Морская молния». Точмашевцы до этого никогда сами не переделывали обычную МБР³ на морское базирование, это их первый опыт, а какими бывают «первые блины» всем хорошо известно. Поэтому к работе привлекли НПО «Циклон», его главный конструктор Гуляев — высокий худощавый человек с усталым лицом и седыми висками — стоит рядом с Царьковым. Семь месяцев длилась доработка, два месяца ушло на стендовые испытания, причем все это время Минобороны торопил, прессовал нещадно, чтобы вбиться в

¹ АПЛ — атомная подводная лодка.

² ФСО — Федеральная служба охраны.

³ МБР — межконтинентальная баллистическая ракета.

какие-то свои графики и отчитаться перед Хозяином. Теперь оба настороженно ждут, разделенные тонкой, не видимой глазу, но ощущаемой душами стеночкой взаимного недоверия: если, не дай Бог, произойдет какой-то сбой, то, ясное дело, начнут валить один на другого...

На мостике царила полная тишина, иногда дежурные офицеры или вестовые докладывали обстановку на ухо командиру, Веренеев передавал информацию Колесникову, тот пересказывал Севрюгину, а Министр с видом компетентного знатока сообщал новости Президенту. Чувствовал он себя неуверенно и напряженно, как человек, взявший на себя смелость перевода с незнакомого языка. Одно дело — переводить подчиненным — для них он признанный полиглот, а совсем другое — в присутствии начальника... Компенсируя унижительность своего положения, он злился на Президента: почему тот вместо официального строгого костюма напялил легкомысленные джинсы?!

Свободней всех чувствовал себя рулевой — старшина второй статьи Галушко, которому оставалось до дембеля всего ничего, и изменить этот замечательный факт не мог никто из стоящих за спиной командиров. И никто из них не мог отменить ужин с присланным родителями салом и спиртным из регламентного запаса спиртом.

— Десять минут до старта, господин Президент! — в очередной раз блеснул знанием обстановки министр. — Лодка вышла на глубину запуска...

Царьков и Гуляев переглянулись, сдерживая улыбки. В ракетных и космических войсках разделяют термины «запуск» и «пуск». Первый относится к космическим аппаратам, которые «запускают на орбиту» и оставляют там для выполнения целевой задачи. Но боевую ракету «пускают» в цель, после чего она прекращает свое существование. Профессионалы знают эти отличия и никогда не перепутают слова...

— А какая это глубина? — поинтересовался Глава государства, поднося бинокль к бесстрастному лицу.

Министр беспомощно обернулся. Он не только выглядел как штатский — он и был штатским.

— Тридцать метров, — негромко сказал Веренеев.

— Тридцать метров, — солидно продублировал Севрюгин.

Очевидно, этот диалог включил проигрыватель в голове рулевого.

«На что нам дети, на что нам фермы: земные радости не про нас, все, чем на свете живем теперь мы, — немного воздуха и приказ...» — замурлыкал про себя Галушко. У него было прекрасное настроение, и всякие мелочи, вроде каких-то испытаний не могли его испортить.

— Что ж, подождем десять минут, — кивнул Президент, опуская бинокль. — Хотя сейчас они тянутся как часы...

Все молчали.

— Так ведь? — спросил Президент.

— Так точно! — вырвалось у Веренеева, и он тут же осекся, поняв, что нарушил субординацию. Но начальники не возражали. Наоборот, Севрюгин согласно кивнул головой.

— Включить громкую связь! — приказал командир.

Вахтенный офицер щелкнул тумблером.

— «Москва», как слышите? — ожил динамик под потолком. — Контроль функционирования.

— «Грозный», слышу вас хорошо. Докладываю параметры, — отозвалась АПЛ. — Тангенс угла запуска шестнадцать, угол возвышения двенадцать, котангенс восемь, тангента траектории...

Севрюгин со значением кивал, будто прекрасно разобрался во всех этих тангенсах и котангенсах.

— Насколько я понимаю, «Молния» морского базирования — это оружие для целой серии новых подводных ракетноносцев, — то ли спросил, то ли утвердительно сказал Президент.

— Так точно! — кивнул Севрюгин. — Как патроны к пистолету...

Конструкторы снова переглянулись.

— С ним хорошо говно есть, — шепнул Гуляев на ухо Царькову и хмыкнул. — Все время вперед забегает...

Тот едва заметно усмехнулся. Если пуск сорвется, в первую очередь достанется на орехи разработчикам, вот они и отвлекались как могли.

«Мы вышли в море служить народу, но нету что-то во круг людей, подводная лодка уходит в воду — ищи ее неизвестно где...» — мурлыкал себе под нос Галушко.

Волна крепко ударила в борт крейсера, брызги окатили толпящихся на носу референтов, помощников, журналистов и прочую малозначительную братию. Огромный корабль содрогнулся, как бы признавая, что даже самое мощное творение человеческих рук не может противостоять стихии. Но командир «Ивана Грозного» расценил это иначе.

— Меняем курс и стопорим машины, — пояснил он. — Наблюдать будем с этого рубежа.

— Отсчет пуска! — звучит следующая команда.

— Есть отсчет пуска! Десять... Девять... Восемь... Семь... Шесть...

«Здесь трудно жирным, здесь тощим проще, здесь даже в зиму стоит жара, и нету поля, и нету рощи, и нет ни вечера, ни утра...»

— Пять... Четыре... Три...

Президент снова приложил к глазам бинокль. Его примеру последовали старшие офицеры и штатские. Тишина на мостике сгустилась. Слишком многое значил этот запуск для обороноспособности страны. И для каждого из присутствующих. Кроме разве что рулевого Галушко. «Над нами, как над упавшим камнем, круги расходятся по воде, подводная лодка в глубины канет — ищи ее неизвестно где...»

— Два... Один... Ноль!

— Поехали, — Гуляев нервно потирает руки.

На мостике наступает напряженная тишина, даже Галушко перестал мурлыкать.

Вначале ничего не произошло. Но потом темное, набрякшее тысячами белогребенных холмиков море впереди разгладилось и натянулось, очерчивая стометровый правильный круг абсолютно спокойной воды, — будто стекло туда уронили. Ни морщинки, ни всплеска, ничего. Многие слышали об «эффekte купола» при подводном старте баллистической ракеты, но своими глазами видели его единицы.

Круг вспучивается линзой, натягивается, приподнимается и в самом деле становится похожим на невысокий купол. Видно, как из центра, из наметившегося «глаза», прут вниз потоки воды. Потом показывается затупленный нос ракеты, стремительно рвется вверх, выдергивая за собой сине-бело-красное стальное тело, окруженное клубами пара и водяного тумана. На какую-то долю секунды МБР, еще не успевшая полностью сбросить водяные покровы, застывает над поверхностью — сердце екает: неужели двигатели первой ступени не запустились, не сработало зажигание в подводном режиме?.. Сейчас рухнет!.. И тут по глазам бьет вспышка. Красно-желтый огненный шар на миг превратил пасмурную северную хмарь в тропический рассвет, отбросил фантастические резкие тени на пол-мостика и тут же исчез под потоками густого кудрявого дыма.

Через секунду рубка вздрогнула. Мощный нарастающий рев. «Молния», набирая скорость, устремилась вверх — ровно, словно шла по направляющим рельсам. Язык пламени с четкими резными очертаниями вырвался из густого темного шлейфа, как клинок из ножен, он был почти равен ее длине.

Все присутствующие ощутили прилив легкости и щенячьего восторга.

— Идет, родимая!!! — закричал Гуляев. — Идет!

— Идет, идет, идет! — заклинал Царьков, судорожно сжав кулаки.

В бинокли было хорошо видно, что «Молния» поднимается идеально — не отклоняясь от вертикальной оси и не вращаясь; рисунок обращенных к наблюдателям черно-белых технических отметок на корпусе оставался неизменным.

— Три секунды — полет нормальный, — занудно доложил динамик. — Пять секунд — полет нормальный...

Ракета ушла, оставив за собой длинный снежно-белый испаряющийся след, воткнувшийся в серые, затянувшие все небо облака.

— Это газы... конденсация... — пояснил всем и никому в отдельности Царьков. Он весь сиял и лучился радостью.

— Семь секунд — полет нормальный, — победно доложил динамик, и на этом все нормальности закончились.

В облаках что-то сверкнуло, внешние микрофоны донесли звук, напоминающий далекий раскат грома.

— Объект сбился с курса, сработал механизм самоуничтожения, — безэмоционально сообщил динамик. — Ликвидация объекта прошла штатно...

На мостике все молчали, не отрывая биноклей от глаз. То ли хотели отследить падение остатков ракеты, то ли оттягивали момент, когда надо будет смотреть друг на друга и что-то говорить.

Президент первым опустил бинокль.

— Ну что ж, хорошо хоть что-то у вас прошло штатно! — холодно сказал он.

И, повернувшись к Севрюгину, произнес:

— Значит, ваши пистолеты остались без патронов?

Министр вытер рукой вспотевший лоб.

— Мы тщательно изучим и все исправим...

Как можно исправить взрыв ракеты на испытаниях, он бы объяснить не сумел, но эта лукавая формула позволяет начальникам различного уровня уходить от ответственности последние двадцать лет, поэтому ею пользуются не задумываясь: прибегая к немного искаженной компьютерной терминологии — по умолчанию.

— Да, исправим, в ближайшее время, — повторил Министр.

Но Президент его не слушал.

— Подготовить вертолет! — скомандовал он начальнику охраны, уходя с мостика. Накрытый в кают-компании роскошный стол мгновенно осиротел. А здесь ощутимо запахло грозой. И как только герметичная дверь за Первым Лицом захлопнулась, она разразилась.

— Да вы знаете, что я с вами сделаю?! — ужасным шепотом обратился министр к подчиненным.

Контр-адмирал Колесников побледнел и повернулся к командиру крейсера:

— Рапорт на стол, Веренеев! Через полчаса рапорт на стол!

Капитан первого ранга оторопел.

— Я-то тут при чем?! Какое отношение я имею к испытаниям?!

Не привлекая к себе внимания, Царьков и Гуляев тихо покинули мостик.

— По возрасту пиши! И по выслуге лет! — Теперь Колесников покрылся красными пятнами.

— Верное решение! — кивнул Севрюгин. — Распустились тут, понимаешь! Самый умный нашелся!

Из низких серых облаков вдали падали обломки «Молнии». Трещал, сипел и гремел динамик, на этом фоне кто-то виртуозно матерился.

«Нам солнце за день дают в награде, и спирта — словно ожог во рту... Наживы ради снимают бляди усталость нашу в

ночном порту. Одну на всех нам делить невзгodu, одной нам рапорт сдавать беде... Подводная лодка уходит в воду, ищи ее неизвестно где...»¹ — уже вслух, хотя и тихо, напевал Галушко. У матроса было прекрасное настроение, и никакой провал никаких испытаний не мог его испортить. Тем более что ужин неотвратимо приближался.

¹ Слова из песни Александра Городницкого «Про американских подводников».

Глава 1

Отдых у моря

6 августа 2011 г.
Ницца

Лазурный берег — лучшее место в мире. Его еще не видно — ни по правому борту, ни по левому, под нами только морская гладь да белые стрелки яхт. Но я чувствую, что он совсем рядом. Как я чувствую? Может, по запаху, как обычно? Вряд ли. Пахнет комфортом, салоном бизнес-класса, «Макалланом» и навязчивыми терпкими духами — так может пахнуть где угодно. По цвету? Море и небо здесь чистая голубая гуашь, почти без оттенков, как в коллажах позднего Матисса, который температуру синего цвета изучил и передал с прецизионной точностью — до десятого знака после запятой. Тоже нет — на подлете к Крыму или к Анталье цвета точно такие, ну, может, до пятого знака... Или память сердца? Это, пожалуй ближе... Хотя точнее — спящий в душе со школьных лет щенячий восторг, когда на цветном экране садился прямо в море огромный «Боинг» с неотразимо белозубым Бельмондо. И сейчас моя душа радостно покусывает, скребется и виляет хвостом (интересно, могут ли в образе души присутствовать хвост и когти?). А это верный признак того, что Ницца уже внизу...

Конечно, если не выделяться и не разыгрывать из себя сложную натуру, то можно ориентироваться и на более

очевидные, вполне прозаические признаки. Я лечу рейсом Берлин — Ницца, самолет несколько минут назад начал снижение, и начал довольно резво — мне даже пришлось взять в руки бокал с виски, который опасно накренился во время маневра. Вдобавок приятный женский голос объявил по внутренней связи, что борт заходит на посадку в аэропорт «Кот-д'Азур», просьба не курить, пристегнуться и т.п. Пристегиваться я не стал, потому что и не отстегивался, не курю я не только при взлете, посадке и между ними, но даже в промежутках между полетами... Но виски свое, конечно, допил. Отличный скотч, кстати — наши авиакомпания не подают такой... Хотя что это я несусь? «Luftgantha», конечно, не подает, а «Air Berlin» — пожалуйста!

Заплакал чей-то ребеночек. Ушки болят — перепад давления, и плевать ему на запахи, цвета и все остальное. Молодая мама с русым «конским хвостом» поит его из маленькой бутылочки с соской. Молодец, это помогает.

Взрослые тоже зашевелились, стряхнули остатки сонного оцепенения, принялись жевать резинку и сосать мятные конфеты.

— Ой, смотрите, мы садимся прямо в море! — Пальцы с хищными зелеными ногтями вцепились в мою руку. Вызывающий маникюр принадлежит соседке — волоокой упитанной блондинке. На вид она похожа на... Гм, скажем, на нимфу. Кажется, ее зовут Хельга. Когда-то, на моей настоящей родине, так назывался недоступный, а оттого еще более вожденный шкаф, за которым писались в очередь и пересчитывались по ночам. Это от нее исходит оскорбляющий обоняние и эстетические чувства тяжелый аромат.

Как и подобает джентльмену, пытаюсь успокоить даму:

— Не волнуйтесь, фрейлейн, вода теплая. И здесь неглубоко.

Слегка откидываюсь в кресле, изучающе оглядываю ее фигуру. С такой кормой не утонешь! Пardon, конечно... А вслух галантно произношу:

— Вам примерно до середины бедра...

— Вы шутите?

Она выкатывает синие глаза с поволокой, в которых застыло умиротворенное выражение жующей сено коровы. Объективности ради уточню — жующей хорошее сено... И грудь у нее тоже как у коровы-рекордистки... Тьфу, что меня зациклило на этих коровах?

Судя по уверенному поведению и манерам профессиональной обольстительницы, она считает себя неотразимой. Что ж, мечтать не вредно. Хотя я думаю о другом. Почему смазливая девушка двадцати двух лет от роду с чрезвычайно развитой фигурой летит одна в Ниццу, где у нее, похоже, нет ни родни, ни знакомых? Впрочем, у меня более узкий интерес: случайно или нет она оказалась рядом со мной?

Скорее всего, случайно. Когда она вышла в туалет, я заглянул в ее паспорт. И насторожился. Потому что паспорт у соседки оказался русский и никакая она не Хельга, а Галина Золотарева из Зеленограда, прописана на улице Свободы, 42, квартира 11. Правда, шенгенскую визу ей открыли две недели назад, а мой билет был забронирован еще в июне. К тому же все четыре часа полета она мирно дремала в кресле, с аппетитом ела, пила шампанское, жевала жвачку, улыбалась бритоголовому мачо, сидящему через проход, — словом, делала все, что хотела. Но не пыталась вызвать меня на разговор, не строила глазки, не прикасалась полноватым коленом к моей чувствительной, как оголенный нерв, ноге. К тому же Хельга явно не шпрехает ни по-французски, ни даже по-английски. Общались мы, естественно, на немецком, как и подобает соотечественникам. Но и на якобы родном языке она изъяснялась тяжеловато, как средняя

выпускница языковой спецшколы. Вести искрометную светскую беседу Хельга-Галина явно не могла.

Похоже, здесь все чисто. Ни одна разведка мира не стала бы работать так грубо и «подводить» ко мне самонадеянную самку с сытым лицом и гипертрофированными формами. Все кому надо прекрасно знают мои вкусы: стройные, образованные девушки с тонким одухотворенным профилем, красивыми ногами, маленькой грудью, изящными кистями рук и ступнями. Разве что Борсхана могла так проколоться... Но там не было разведки. И вряд ли появилась. К тому же тогда «подстава» была бы чернокожей...

— Но под нами действительно море!

— Это так, — любезно соглашаюсь я с очевидным фактом. — Просто аэропорт Ниццы находится на полуострове. На маленьком искусственном полуострове. Землю мы увидим только в момент посадки.

— Вот оно что... В последний момент? На что-то это похоже...

— На ресторан.

— ??? — В выпуклых влажных глазах плещется недоумение.

— Да. Вы садитесь за стол, а кавалер подвигает вам стул. Представляет?

Представила. Кивает. Похоже, она не понимает, что это стеб.

— А мы не промахнемся?

— Не должны. Я как-то садился в Куршевеле на двухмоторной «сессне»...

Спохватываюсь, уточняю:

— Это такой маленький самолет, фрейлейн. Так вот, там полоса всего пятьсот метров и обрывается прямо в пропасть. Это не аэропорт даже, а гранитный «стол», и подлетаешь к нему как бы снизу...

Словно опытный пилот, инструктирующий стажера, я показываю на пальцах, как нужно правильно заходить на